

**Анатолий
Медников**

**СОРОК
ТЕТРАДЕЙ**

Анатолий
Медников
СОРОК
ТЕТРАДЕЙ

Очерки
разных
лет

Москва
СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ
1986

ББК 84,Р7
М 42

Художник Дмитрий ГРОМАН

4702010200—054
М ————— 37—86
083(02)—86

© Издательство «Советский писатель», 1982 г.
© Помеченное в содержании звездочкой издательство «Советский писатель», 1986 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

а сорок лет моей работы в литературе, за годы многих и многих поездок по заводам, рудникам, различным стройкам я накопил немалый багаж наблюдений за жизнью современного рабочего класса в нашей стране. Эта жизнь все время меняется, обогащается, развивается, и вместе с нею меняется и ее отражение в нашей документальной прозе и публицистике. Это единый процесс, идущий во взаимовлиянии, в переплетении многих существенных связей.

Надо помнить, что исторически очерк в нашей литературе возник именно как потребность в художественной летописи современности, как ответ литературы на множество совершенно конкретных, изумительных по своему новаторству фактов строительства новой действительности, как желание народа увидеть под пером художника-публициста портреты реальных творцов новой жизни, в том числе, конечно, и людей рабочего класса.

Публицистическая стихия любого добротного документального произведения, построенная на глубоком изучении многих проблем жизни, на исследовании социальных конфликтов действительности, на показе трудовой героики, на раскрытии того или иного научного, инженерного, трудового подвига, просто основанная на размышлениях писателя, может быть не только общественно важной, но и подлинно художественной.

И поэтому не случайно в очерках, посвященных рабочему классу, деятелям нашей индустрии, всегда значительное место занимали публицистика, поэзия самого дела, пафос труда и исследование закономерностей жизни.

Конечно, с годами менялись и будут меняться требова-

ния к литературному портрету нашего современника, и читателя уже не удовлетворяет очерк биографии героя, если он носит характер только иллюстративный, показательный, если он лишен проблемности, остроты, драматизма и общественной значимости. Читатель требует от любого очерка динамизма, борьбы героя за свои цели в сложных переплетениях жизни, наконец, активной гражданственной позиции и самого автора.

При этом важную роль играет, на мой взгляд, верность духу времени, фактографическая точность и обстоятельность в изображении фактов, событий, людей, ибо не следует упускать из виду, что в труде, как и во многих других сферах жизни, есть множество явлений, которые ярче всего раскрываются именно в документальной конкретике и часто выражают собою обобщение, которое заложено в самом характере того или иного уникального события.

Так случилось, что именно в этом творческом ключе я писал и пишу о рабочих людях, в которых в разные годы сфокусировалось многое важное, типическое для сороковых, пятидесятых, шестидесятых, семидесятых и начала восьмидесятых годов нашей послевоенной эпохи.

Так постепенно накапливалась, создавалась типология рабочих характеров, которая для меня не умозрительная абстракция, а галерея хорошо знакомых людей, героев современной жизни. Эта типология, думаю, мне, интересна, значительна, во многом примечательна. Я вижу в ней олицетворенную в реальных людях какую-то часть героической истории всей страны, всего нашего общества.

Мысленно взглядываясь сейчас в знакомые и дорогие мне лица тех, кого я знал и любил, в этот славный ряд героев индустриального созидания, я вижу не только конкретные деяния, но и определенные тенденции движения судеб и времени, определенные закономерности.

За эти четыре десятилетия разительно изменился профессиональный облик советского рабочего, выросло не только его профессиональное мастерство, но изменился и сам объем его духовной жизни, стал богаче, наполненнее делами не только производственными, но и общественными, партийными.

Сколько раз мне приходилось встречать в самых разных уголках страны, на заводах, на стройках рабочих, бригадиров, мастеров, которые мыслили значительно шире, масштабнее, чем от них требовали их непосредственные рабочие обязанности и заботы. Скромное звание и долж-

ность не мешали этим рабочим выступать на различных совещаниях, вплоть до всесоюзных, остро ставить нерешенные вопросы, говорить о недостатках, смело критиковать виновных.

Во многих цехах я встречал и встречаю людей с институтским дипломом в роли мастеров, рабочих, которые, не покидая завод, получили эти дипломы высшего образования. Так вместе с технической культурой, порою даже опережая ее, росла и растет культура современного рабочего, его активное вмешательство не только в технические, но и в организационные проблемы производства, и все это органично, прочно связано с нравственной, психологической атмосферой рабочей жизни.

Сюда надо присоединить и приобретенные в наше время особую силу и эффективность, всегда присущие советскому рабочему чувства пролетарского интернационализма, которые находят себе такое мощное выражение в дружбе рабочего класса социалистических стран, в их индустриальной интеграции, в помощи прогрессивным силам во всем мире.

Известная ленинская мысль о том, что публицисты создают летопись современности, включает в себя, мне думается, и летопись самих свершений, и злободневные проблемы нашего строительства, и изучение типологии характеров тех, кто создает нашу современную индустрию. И, безусловно, включает в себя и верный, прозорливый взгляд в будущее.

«АЗОВСТАЛЬ»

Первую весточку с завода Яков Павлович Куликов получил как раз в тот момент, когда он уже влез в танк и собирался подать команду к движению.

— Товарищ старший лейтенант! — крикнул почтальон. — Письмо из дома получите на счастье!

Куликов быстро пробежал густо исписанные листки. Несколько дней назад, узнав на фронте об освобождении Мариуполя, он послал на завод письмо. «Прошу тех, кто помнит Якова Куликова, доменщика, начальника смены, а теперь командира танковой роты, — писал он, — сообщить поподробнее, в каком состоянии цех и кто из старых това-

рицей работает там». Теперь несколько товарищей рассказывали ему, как фашисты изувечили завод. Машина уже тронулась, зарываясь гусеницами в глубокий снег. Строчки прыгали в глазах танкиста...

На родину Яков Куликов вернулся из Норвегии, закончив бои около города Нарвика. Весть о том, что с фронта вернулся начальник смены, быстро облетела завод. Все, кто знал его по довоенной работе, спешили позвать руку.

Каким тогда увидел знаменитый «Азовсталь» Яков Куликов? Собственно, завода не было, он был разрушен. Был каменный хаос, груды искореженного металла. Из четырех гигантских домен две были взорваны до фундаментов, две других варварски искалечены. В мартеновском цехе немцы подорвали стеновой хребет здания — опорные колонны. Все генераторы энергии, паровоздушная станция, коксохимический завод, даже служебные здания и транспортные пути разрушены.

Яков Куликов уже знал из газет, из рассказов товарищей, что примерно такая же картина хаоса и опустошения и на других заводах Украины, на многочисленных предприятиях черной металлургии, машиностроения, которые в совокупности своей составляли до войны то, что можно было назвать мощным южным плацдармом нашей тяжелой индустрии.

Отступая под ударами Советской Армии, враг уничтожал все, что не успел разграбить. Фашисты утверждали, что для восстановления разрушенного нашей стране понадобится не менее четверти века.

На временно оккупированной территории республики были полностью или почти полностью разрушены 28 металлургических заводов, 9 трубных, 9 метизных, 28 коксохимических, 27 предприятий огнеупорной и 28 горнорудной промышленности, 62 доменные и 213 мартеновских печей, 248 прокатных станов.

Но не оправдались расчеты гитлеровцев. Вслед за наступающими частями шли строители, проявлявшие героизм не меньший, чем на фронте. И уже через три-четыре месяца после освобождения первые сталеплавильные агрегаты выдали первый металл. А днепродзержинцы сварили первую сталь на... двадцать шестой день после того, как наши войска вошли в город.

Любая капиталистическая страна, понесшая подобные потери, была бы отброшена на целые десятилетия назад. Этого не случилось у нас. Более того, южная цитадель на-

шей индустрии, восстанавливаясь, набирала новые производственные мощности, лучше оснащалась, чем до войны, проводилась одновременно и серьезная техническая реконструкция, механизировались трудоемкие и тяжелые работы.

Такие же горячие восстановительные денечки шли и на «Азовстали». Рабочие сами пришли на завод в первые же дни. Не ожидая особых указаний, они разбирали завалы, расчищали пути.

Как-то Куликов встретил на заводе начальника мартеповского цеха Владимира Владимировича Лепорского.

— Ну как, Владимир Владимирович? — спросил Куликов.

— Что наделали, а! — вместо ответа сказал Лепорский. — В печи-то, говорят, они людей сажали, провинившихся рабочих, благо герметически закрываются... Печи восстановим, поднять вот только это, — он показал рукой на подорванные колонны.

В один из вечеров состоялось собрание рабочих. В большой полуобгоревшей комнате плотно, плечом к плечу, стояли люди. Рядом со столом докладчика поставили ведро с мазутом и зажгли. Докладчик, отгоняя от лица едкий дым, говорил о положении на фронтах, о победах наших войск и неотложных задачах восстановления «Азовстали».

— Получим свою энергию, будет свет, будет вода. Приедут строители, и мы завод подыдем. Нам страна поможет, — говорил докладчик.

И когда докладчик, раздвигая обеими руками дым, точно хотел расчистить путь своим словам, крикнул: «Восстановим, товарищи!» — эти слова, повторенные десятками голосов, как мощное эхо, тотчас вернулись к нему...

Возрождение азовстальских домен — это славная страница героической летописи восстановительной хирургии тех первых военных и послевоенных лет. И о ней стоит рассказать вкратце.

...Петр Алексеевич Мамонтов, добравшись до Сталино пассажирским поездом, пересел там на товарный и поехал таким, единственно тогда возможным, способом в город Мариуполь. Ехал он долго, почти двое суток. Днем поезд преимущественно стоял, опасаясь немецких бомбардировщиков. Ночами было холодно и страшновато. Петр Алексеевич в спешке забыл захватить оружие. Кругом была темень, лишь сыпались из-под колес паровоза горящие

искры, освещаая на мгновение седую траву на насыпи да силуэты разрушенных шахт и заводов.

Впервые за военные годы Петр Алексеевич получил такой продолжительный и невольный отдых от своих строительных дел. И сейчас он думал не столько о новой работе, сколько вспоминал свою жизнь, беспокойную жизнь инженера-строителя.

Перед самой войною, когда Петру Алексеевичу переваляло уже за пятьдесят и точно легким снежком замело его виски, пришлось ему как-то проезжать поездом через город Ульяновск. Перед станцией по вагону прошелся проводник и закрыл все окна.

— Мост будем проезжать, — предупредил он.

— Какой мост? — спросил Петр Алексеевич.

— Через Волгу. А какой, можете сами в окно полюбоваться.

Петр Алексеевич прильнул лбом к стеклу и вдруг, к удивлению соседа, хлопнул себя ладонью по голове и засмеялся. Да, он совсем забыл! Это был мост, который строил он сам, Петр Мамонтов, юноша, техник по монтажу, воспитанник училища при Брянском металлургическом заводе, — большой мост у города Симбирска лет за десять до революции.

А с тех пор! Производственная биография инженера Мамонтова могла бы служить путеводителем по металлургическим заводам страны. Петр Алексеевич был строителем по призванию. Он годами мог жить в тяжелых условиях стройки, подчас без семьи и дома. В Чусовой, когда это было нужно, он решил труднейшую задачу — построил домну за восемь месяцев. Это был рекордный срок. Правительство в сорок третьем наградило его орденом Ленина. Затем его вызвали в Москву для нового задания.

Мамонтов взял с собою небольшой чемоданчик, тот самый, с которым два года назад уехал с Мариупольского завода на последней машине, и сел в самолет. В Москве ему сказали, что надо ехать в Мариуполь, поднимать разрушенный завод, ехать немедленно.

— Вы его строили, вам и честь вернуть завод к жизни, — сказали ему. — Работать надо так же, как и на Чусовой, и даже лучше.

И вот теперь заслуженный инженер ехал на открытой платформе товарного поезда в разрушенный город, где нет, наверно, ни света, ни водопровода и где вряд ли сохранился его дом.

К Мариуполю Мамонтов подъехал к вечеру, когда уже нельзя было различить в темноте ни города, ни станции. До войны за много километров бывали видны огни заводов. Издали они казались звездами, упавшими на самый край земли, а за ними двигались звезды поменьше и потусклее — это шевелились и мерцали на поверхности моря отраженные огни «Азовстали».

Поезд проходил у самого завода, и в воздухе здесь всегда немного пахло доменным газом. Цеха гудели, от работающих агрегатов исходило еле уловимое, но трогающее сердце живое тепло.

Теперь же перед Мамонтовым на темном фоне неба громоздились слепые и сумрачные, как горы, силуэты разрушенных сооружений. И хотя ничего нельзя было ясно разобрать, Петр Алексеевич сердцем почувствовал, что разрушение здесь даже страшнее, чем можно было это представить себе на далеком Урале.

Первую неделю Мамонтов каждый день пешком ходил на завод из приморского поселка. И в каком бы углу огромной территории ему ни приходилось бывать за день, к вечеру он обязательно возвращался к домам № 3 и № 4.

Построенные последними на «Азовстали», эти гиганты-печи вобрали в себя все новинки передовой металлургической мысли. Домны «Южной Магнитки» стали гордостью отечественной металлургии.

Петр Алексеевич бродил вокруг искалеченных и молчащих фурм. Агрегат высотой в многоэтажный дом превратился в груды мертвого металла. Петру Алексеевичу казалось, что он видит сквозь стальную обшивку печи многопудовую массу металла — «козел», — застывшую в горне домны. Домой Мамонтов уходил всегда с сосущей болью в сердце.

Урывая время у сна, Мамонтов готовил докладную записку правительству. Именно здесь, на ставшем ему родным заводе, где разрушения были невиданных размеров, он предлагал применить метод строительства, к которому стремился многие годы.

Откладывая в сторону чертежи, Петр Алексеевич выходил в сад. Дул с моря низовой ветер, упруго, как воду, хлестал по ногам, свирепо гудел, прорываясь через узкие переулочки приморской слободки. Петр Алексеевич прислушивался к дыханию уснувшего города. На море, в глубине ночного пространства, вспыхивали и затухали огоньки — это первые пароходы шли в порт к израненному заводу.

Идея параллельного совмещения строительных и монтажных работ нашла себе место в практике инженера Мамонтова задолго до Чусовой. Еще на строительстве Магнитогорского комбината Мамонтов стремился вести монтаж методом укрупненных узлов. Но то, что было в те годы лишь первыми шагами новой технической идеи, во время войны, когда сроки выдачи металла решали судьбы сражений, стало передовым методом военных строителей.

Если можно строить домну укрупненными узлами, то почему при восстановлении не применить этот же метод? Разве нельзя восстанавливать домны укрупненными узлами, предварительно не демонтируя их? Мысли о широком применении этого метода при восстановлении «Азовстали» и легли в основу его докладной записки правительству.

Мамонтов часто думал о том, что восстановление наших заводов — это не просто воспроизведение по старым чертежам и схемам, но одновременно и реконструкция и новое творчество. Доменная печь № 4 объемом в 1300 кубометров была взорвана немцами таким образом, что опустилась вниз на 3500 миллиметров и накренилась в сторону на шесть градусов. Разрушенный литейный двор напоминал таежную чащу. Сквозь нагромождения конструкции и груды рваного металла трудно было даже подойти к домне. Казалось, сама домна со сместившимся центром тяжести вот-вот свалится набок.

Можно ли поставить в прежнее положение, то есть выровнять, передвинуть почти на 1,5 метра и поднять на 3,5 метра домну весом в 1200 тонн, предварительно не разобрав ее по частям?

При первом взгляде на домну люди только сокрушенно качали головами.

Мариупольские домны стоят в нескольких стах метрах от берега. Заводские паровозы, подвозящие к домнам руду и кокс, бегают у самой воды. Летом, когда дует с моря крепкий ветер, он с трудом прорывается на рабочую площадку у печи сквозь встречный поток горячего воздуха и освежающей прохладой трогает кожу. Горные поворачивают к нему вспотевшие лица и мечтают о той минуте, когда можно будет выскочить на берег и окунуться в море.

Но теперь, когда надо было поднимать накренившуюся домну, сильный ветер с моря мог привести к катастрофе. При одной мысли об ураганном ветре во рту Петра Алексеевича становилось сухо, и он машинально проводил по лбу тыльной стороной ладони.

По проекту, разработанному Мамонтовым, домну решили поднимать домкратами, используя построенные рядом с печью три мощных балки опоры. Работы должны были вестись при ветре не более восьми баллов. 17 октября 1944 года Мамонтов записал в своей книжке: «Подготовительные работы закончены. Начинаем выравнивание».

Пока домна, медленно повернувшись вокруг одной опоры, по рельсам ползла на свое место, Мамонтов снова и снова проверял расчеты, все мельчайшие детали проекта. Петр Алексеевич сказал: «На фронте говорили: «Сапер может ошибиться только раз в жизни». Сейчас я понимаю сердце сапера».

Как-то ночью позвонили из столицы. Глуховатый голос, который показался Мамонтову очень четким, словно из соседней комнаты, произнес: «Москва следит за тем, как движется мариупольская домна».

— Хорошо, — ответил Петр Алексеевич, — помним.

Подъемные работы велись только днем. Часто под вечер, свернув чертежи в трубку, Мамонтов шел к домне, чтобы проверить сделанное за день.

На всех «этажах» печи, ловко цепляясь за металлические выступы, работали клепальщики, монтажники, плотники-верхолазы. Сверху они поглядывали на инженеров. Знакомые приветственно кивали головой. Петру Алексеевичу казалось, что рабочие подбадривают его своей уверенной и четкой работой. Рабочие не сомневаются в успехе дела, потому что доверяют ему, инженеру. И как это ни было странно потом самому Петру Алексеевичу, именно их доверие и казалось ему в эти минуты самым верным залогом успеха.

«Нет, все правильно», — думал он, еще и еще раз заглядывая в чертежи.

В те дни, когда начался основной подъем домны на высоту 3,5 метра, телефонистка на заводском коммутаторе на все вопросы людей, непрерывно звонящих из города, отвечала только одним словом: «Поднимают».

— Ну, как она? — спрашивали рабочие еще в проходной будке и, прежде чем попасть в свой цех, прибежали посмотреть на «двинувшуюся в путь» домну.

И вот наконец 27 ноября 1944 года одна из тогдашних самых больших в мире доменных печей, проделав сложный путь по маршруту, указанному ей инженером Мамонтовым, благополучно встала на свое место.

В один из ноябрьских холодных вечеров, когда Мамон-

тов стоял в группе рабочих и смотрел, как на место временных опор заводят под печь постоянные опоры, кто-то рядом спросил у него:

— А какая это у вас по счету, Петр Алексеевич?

Мамонтов обернулся и увидел знакомого рабочего, с которым еще до войны строил эту самую печь. Тогда он снова перевел взгляд на домну и, точно видя ее в первый раз, смерил глазами во всю тридцатиметровую высоту.

— Такая — первая, — ответил он старику.

— Лауреатская эта работа, — сказал мастер, — факт.

Петр Алексеевич вспомнил слова старого мастера в тот день, когда домна была полностью восстановлена, ее фурмы засветились яркими красными точками. Первую летку доменной печи № 4 прожгли кислородом, и, когда остался до расплавленного чугуна тонкий слой спекшейся глины, горновые забили в отверстие лом, а подъемный кран выдернул его обратно. Из мамонтовской домны выбежала первая струйка металла. Она была похожа на маленькую красную ящерицу, слепо нащупывающую себе дорогу. Но вот она выросла в сильную струю, и кипящий металл потоком ринулся по канаве в разливочные ковши.

Все вокруг наполнилось резким горячим запахом. Домна мгновенно озарилась красноватым, праздничной окраски светом. Свет этот увидели в городе и далеко на кораблях в море. Оттуда домна казалась огромным негаснущим факелом на азовском берегу.

Через некоторое время Мамонтов получил Государственную премию за подъем мариупольской домны. Об этом были написаны стихи и поэмы. Но и в деловом кругу монтажников мариупольская история выросла в легенду и многие годы звучала как песня, как гимн смелости, мужеству и таланту монтажников.

Потом это стало понемногу забываться, даже в мире самих строителей, заслоненное новыми успехами и свершениями. Ушел из жизни и Петр Алексеевич Мамонтов. Я же хочу вновь напомнить об этом славном имени. Разве слова «Никто не забыт, ничто не забыто» не относятся в равной мере и к людям трудового подвига, творцам нашей социалистической индустрии?..

Что же касается самого метода, то тогда, в конце сороковых и начале пятидесятых годов, опыт и подвиг мариупольцев был подхвачен монтажниками всюду и получил яркое и весомое продолжение на многих знаменитых в те годы стройках наших металлургических гигантов.

огда Яков Павлович Куликов появился на «Азовстали», доменный цех уже работал. В первые дни инженер внимательно приглядывался ко всему, потом пришел в партийный комитет.

— Я хочу организовать комсомольско-молодежную смену и сам возглавить ее,— сказал он секретарю.

— Что ж, дело хорошее, начинай, мы поддержим,— согласились в парткоме.

— Мне кажется, надо начинать борьбу за более интенсивное ведение процесса плавки.

— Это надо изучить,— предупредил секретарь.— Глубоко изучить, чтобы не сорваться. Эксперименты на таких больших печах — дело рискованное.

— Знаю, знаю, товарищи,— ответил Куликов,— продумаем все основательно.

На рабочей площадке у домны почти не слышно человеческого голоса. С оглушающим свистом через особое отверстие в горн печи поступает воздух. Чем больше воздуха, тем интенсивнее химический процесс в домне. Но увеличение количества воздуха может привести и к ухудшению работы печи. Это произойдет в том случае, если увеличится вынос пыли, то есть разрыхленной руды, которая вылетает из печи вместе с могучими потоками воздуха и газа.

— Сколько сейчас дают воздуха в печь в других сменах? — спросил как-то Куликов обер-мастера.

— Две тысячи кубических метров в минуту.

— А если дадим 2400?

— А пыль кто будет на колошнике собирать, Пушкин?

— Пушкина мы тревожить не будем, а вот рабочих на бункерах и в скиповой яме надо расшевелить. Мы сейчас даем сорок вагонеток с шихтой в смену. А если мобилизовать все наши резервы — я подсчитал,— можно дать пятьдесят. Печь все время будет полной, и вынос пыли останется в норме.

— Ну что же, попробуйте, Яков Павлович,— сказал обер-мастер.— Дело хозяйское.

И Куликов решил попробовать. В своей смене он начал систематически увеличивать интенсивность дутья. Через некоторое время он стал понемногу поднимать и температуру воздуха.

— Мы будем вести процесс более интенсивно на максимуме дутья и максимуме температуры и все время следить за печью,— говорил Куликов сменным инженерам.

С первого же дня у него установился с рабочими тот тесный производственный контакт, который покоится и на строгой дисциплине и на высоком авторитете инженера. Собственно, ему не пришлось предпринимать никаких особых мер, чтобы наладить в своей смене четкий порядок и организованность. Просто он показал себя умным и строгим руководителем, хозяином домны.

...Эту примечательную, взволновавшую меня историю я услышал весной сорок седьмого года, когда впервые попал в Мариуполь, и привожу ее сейчас потому, что этот эпизод рассказывает о мужественной женщине, которая совершила героический поступок для того, чтобы та самая четвертая доменная печь, успешно поднятая инженером Мамонтовым и на которой проводил свои смелые эксперименты инженер Куликов, чтобы эта домна в период оккупации не смогла бы служить фашистским захватчикам.

Как известно, азовстальцы покидали завод в октябре сорок первого. Ценное оборудование цехов было уже на три четверти свернуто и отправлено на восток, но завод еще работал вполдыхания... Внезапная тишина, сменившая ожесточенную орудийную канонаду, насторожила рабочих. Анастасия Арсентьевна Алейникова взглянула в окошко своего небольшого домика. По обеим сторонам улицы густой толпой шли люди. Они шли не оглядываясь, точно подгоняемые в спину ветром.

Алейникова побежала на завод. На паровоздушной станции ярким предсмертным накалом горели огни. Здесь было больше людей, чем в других местах, они толпились около генератора, у распределительных щитов. Позвонил директор, сказал: «Дорогие мои, кажется, уже больше нельзя ждать. Кажется, пора».

У генератора стоял старый мастер. Старик стоял, стиснув зубы, с гаечным ключом в дрожащей руке.

— Не могу! — крикнул он, размахивая ключом.

Старика взяли под руку и отвели в сторону. Когда осталась электростанция, на заводе еще горел свет, идущий по проводам «Донбассэнерго». Потом потух и он.

Из степи было хорошо видно, как высоким черным пламенем горели взорванные газопроводы. Люди, пешком уходящие из города или же возвращающиеся к своим домам, часто ложились на траву прямо у дороги. Был горек на гу-

бах вкус пережженной солнцем сухой земли. Казалось, вся степь наполнилась едкой горечью...

...Анастасия Алейникова жила в Мариуполе с 1930 года. Сначала работала на заводе Ильича в столовой. Потом пришла на «Азовсталь» — чернорабочей. А в тридцать восьмом стала на домне машинистом вагон-весов.

Есть сзади домны такое устройство, напоминающее огромную черную косу, спускающуюся с металлической короны красавицы печи. Это эстакада, по которой бегают вверх и вниз вагончики с рудой, и там, на вершине домны, опрокидывают в ее нутро шихту, то есть руду, смешанную с коксом и различными добавками. Это «питание домны», это тот материал, из которого выплавляется чугун.

В основании эстакады — небольшой, всегда полутемный, пропахший сырыми запахами руды бункер, где и стоят вагон-весы. Здесь работает машинист, следящий за тем, чтобы печь была всегда правильно загружена. Когда доменный процесс идет нормально, вагончики то и дело бегают вверх и вниз, доменщики говорят тогда: «Печь идет хорошо, успевай только загружать».

Жила Алейникова на правом берегу Кальмиуса с мамой, отцом и братом, подрастал у нее десятилетний сынок — Слава. Алейникова кормила своих стариков, семью. Эвакуироваться она не успела, осталась в Мариуполе. Когда в город вошли фашисты, ее, как и многих рабочих, сначала погнали на окопные работы. Потом вернули на завод. Когда узнали, что она машинист вагон-весов, заставили вернуться на работу, загнали в бункер около скиповой ямы, чтобы «кормить домну», которую хотели оживить, наладить нормальный выпуск чугуна. Около вагон-весов поставили солдата с автоматом, потом сняли пост.

И Алейникова начала работать, но как она работала! Мне рассказывали о ней как о героине тех тяжелых дней и месяцев, когда завод и город находились под пятою оккупации. Нашлись ли тогда предатели, которые пошли в услужение к фашистам? Да, нашлись. Был такой инженер Антошук, до войны восторгавшийся иностранной техникой, — сотрудник технического отдела. Все мечтал попасть на заводы Круппа. Замкнутый, молчаливый человек. Вот этот Антошук стал у фашистов директором завода.

Заместителем был у него некто Пескарев, отец которого в прошлом являлся управляющим крупного имения в Донбассе. Нашлись и другие предатели.

Фирма «Крупп» пыталась наладить работу завода, но безуспешно. Чугун домна за все время оккупации так и не смогла выдать вообще, действовала лишь частично как га-вогенератор.

В этом была заслуга и Анастасии Алейниковой, ведь она делала все от нее зависящее, чтобы разладить технологический процесс, потушить огонь в железном чреве домны.

Прошло уже много лет, но я все еще хорошо помню ее простое русское лицо, гладкие волосы, спокойный взгляд карих глаз. Невысокая, крепкоплечая, с размашистой мужской походкой, она как бы соединяла в своем облике женскую естественность с неженской крепкой и сильной волей.

В скиповой яме всегда было темновато, особенно ночью. Сначала заглядывали сюда немцы, а потом перестали, боялись на заводе темных безлюдных мест, и Алейникова могла по своему усмотрению составлять это губительное для доменной печи «меню» из руды, шлака и известняка. И все же это было для нее очень опасное дело. Ведь за саботаж, даже за малейшее подозрение в саботаже фашисты немедленно расстреливали рабочих и инженеров.

Бывало и так, что попадались и те, что старались угодить немцам. Например, инженер Коржиков, бывший при фашистах начальником доменного цеха. Домны работали плохо, в этом была заслуга таких рабочих, как Анастасия Алейникова, и, как говорили тогда на заводе рабочие, Коржикова «запихтовали». Немцы вывели Коржикова за ворота и расстреляли, а ведь это был верный их слуга.

Анастасия Арсентьевна рассказывала мне весной сорок седьмого: «На моей печи благодаря неправильной загрузке вагон-весов авария следовала за аварией. Фашисты злились, искали виновных. Особенно я боялась ночью, что придут, схватят и тут же расстреляют. Пока отработаешь смену — душа изболится. Одна ведь сидишь в этом бункере, безо всякой защиты.

Приходила домой, рассказывала своим, как я работаю, как гублю доменную печь. А ведь фашисты вызывали отмечаться на бирже, за отказ от работы — в подвал, угоняли в Германию. Приходилось идти на завод, как-то надо было жить, кормить семью.

Бывало, сидишь дома — ветер ли с моря начинает гудеть, стук ли какой в дверь — задрожешь от страха и сынишку к себе прижимаешь, думаешь: вот сейчас войдут фашисты и потащат тебя на расправу.

Я вам скажу так — час-два поработаешь в скиповой яме